

Министерство высшего и среднего специального
образования БССР

Минский государственный педагогический институт
иностранных языков

На правах рукописи

ЧЕРКЕСОВА ЛЮДМИЛА ДМИТРИЕВНА

**КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ (CASUS OBLIQUI) СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ
ИХ ЭВОЛЮЦИОННОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНО-
СТИЛИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ**

(10. 02. 04 — Германские языки)

Диссертация выполнена на русском языке

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

МИНСК 1974

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ БССР

МИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На правах рукописи

ЧЕРКЕСОВА ЛЮДМИЛА ДМИТРИЕВНА

КОСВЕННЫЕ ПАДЕЖИ (*casus obliqui*)³ СОВРЕМЕННОГО
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ ИХ ЭВОЛЮЦИОННОГО
И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ

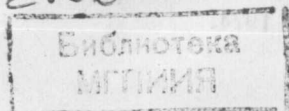
Ю.02.04 - Германские языки

Диссертация выполнена на русском языке

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

2066

Минск - 1974

Диссертация выполнена на кафедре грамматики и истории немецкого языка Минского государственного педагогического института иностранных языков.

Научный руководитель – кандидат филологических наук
доцент Т.С. ГЛУШАК

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:

Доктор филологических наук, профессор Н.С. КУСКОВА

Кандидат филологических наук, доцент Ю.В. ПОПОВ

Ведущее научное учреждение – Горьковский государственный педагогический институт иностранных языков им. Н.А. Добролюбова, кафедра немецкой филологии.

Автореферат разослан " 30 " июня 1974 г.

Защита диссертации состоится " 4 " октября 1974 г.

на заседании Ученого Совета Минского государственного педагогического института иностранных языков /Минск, ул. Захарова 21, четвертый этаж, зал заседаний Совета/

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института.

Ученый секретарь Совета

Минский государственный педагогический институт иностранных языков, 1974.

Вопросы падежной семантики, падежных функций, морфологической структуры падежа, взаимоотношения падежных форм и предложных конструкций, употребительности падежей представляют интерес как в плане истории языка, так и в плане его синхронного состояния. Они связываются в сложный узел проблематики, занимающей центральное место в теории языка. От выяснения этих вопросов в большой степени зависит обоснование тенденций языкового развития и закономерностей функционирования языка.

Цель данного исследования заключается в том, чтобы проследить взаимодействие эволюционного и функционально-стилистического аспектов в рамках подсистемы косвенных падежей современного немецкого языка, имея в виду как их формально-структурные, так и семантико-синтаксические характеристики.

В основе своей исследование выполняется на материале текстов художественной прозы, так как априорно признается, что с наибольшей вариативностью исследуемые формы, как и любое другое языковое явление, представлены именно в этом функциональном стиле.

Результаты, полученные на текстовых выборках из художественной прозы, приводятся в сопоставление с данными текстов научной прозы, с тем, чтобы судить о характере проявления конвергенций и дивергенций в развитии и функционировании языка на более широкой функциональной основе, и, следовательно, получить возможность сформулировать более широкие выводы.

В ходе анализа конкретного материала, осуществляемого в диахронической и синхронической плоскостях, предполагается выявить общий характер и специфические особенности распределения падежных форм и падежных функций в текстах различных авторов, разных синхронных срезов и разных функциональных стилей, что в конечном итоге должно подвести к правильной оценке современной ситуации в области немецкой падежной системы, а через падеж в известной мере и к правильному пониманию функционально-стилистических закономерностей современного немецкого языка в целом.

Закономерности, как известно, далеко не всегда лежат на поверхности языковых фактов, и один из надежных способов их обнаружения — квантитативная обработка текстовых выборок. Количественный анализ может быть различным: или стремящимся к точным, вероятностным предсказаниям и основывающимся на обширном математическом аппарате, или "симптоматическим", ориентированным на то, чтобы проследить изменение и становление количественных параметров у заведомо определенных языковых явлений /В.Г.Адмони¹/. В таком виде он не является строго статистическим, не связан с аппаратом математических формул, поскольку он по сути своей вторичен, ибо предполагает уже качественно дифференцированный материал. Его применение диктуется лишь тем, что иным путем получение столь непосредственных /прямых/ данных невозможно. В диссертации используется второй вариант /количественной /не строго статистической/ обработки материала. Сопоставлением результатов количественного анализа двух стилей в одной и той же синхронической плоскости и двух синхронных срезов на диахронной оси возможно, как представляется, определить для каждого синхронного среза характерные стилиобразующие признаки как вехи эволюции языка, т.е. как бы приподнять завесу над характером процесса стилистической дифференциации в языке.

Решение указанных задач невозможно без конкретизации в рамках темы исследования ряда спорных теоретических вопросов /общелингвистических, грамматических, стилистических/. Исходным принципиальным положением диссертации при этом служит закрепившаяся в современной грамматике точка зрения системной лингвистики, согласно которой падежи следует рассматривать не изолированно, вне связи друг с другом, а в системе, на основе отношения оппозиций, которые объединяют их в парадигму существительного, с учетом того, что парадигматика и синтагматика падежа связаны многосторонними отношениями.

¹В.Г.Адмони. Основы теории грамматики. М.-Л., 1964, стр.68-70.

В лингвистической литературе падеж освещался и освещается в трех аспектах: в его морфологической структуре, с точки зрения выполняемых им синтаксических функций и в аспекте его обобщенного значения. В последнее время уделяется внимание и стилистическим характеристикам падежа, которые образуют четвертый аспект этой категории¹.

В немецкой грамматике большинство авторов фундаментальных грамматических работ считает, что падеж — это категория, которая морфологическими средствами выражает отношения имени в высказывании /В. Юнг, В.Г. Адмони, Х. Бринкман и др./. Сущность падежа, по их мнению, складывается из трех компонентов: участия в выражении мысленного отображения отношений объективной реальности /логико-грамматическая функция/, роли падежа в организации речи /структурно-синтаксическая функция/, его формы /структурно-морфологическая функция/.

Падежная система немецкого языка структурирована по общей для многих языков модели, т.е. ее структурную основу составляет оппозиция *casus rectus*; *casus obliqui*, когда именительный /прямой/ падеж находится в оппозиции ко всем остальным /косвенным/ падежам. Поскольку предмет исследования данной работы заключен во втором члене этой оппозиции, то первый её член, т.е. именительный падеж, в дальнейшем из рассмотрения исключается. Три же косвенных падежа /*casus obliqui*/, подлежащие исследованию, концентрируют в себе сложную проблематику.

Немецкий генитив принадлежит к числу тех языковых явлений, интерес к которым не ослабевает у исследователей на протяжении длительного времени. Специфика его развития и функционирования трактуется некоторыми грамматистами /О. Бехагель, Э. Веландер, Л. Вольф и др./ как необратимый процесс ослабления системного статуса падежа, его отмирания. Действительно ли речь идет о необратимом процессе исчезновения генитива из языка — на этот вопрос ряд других грамматистов отвечает отрицательно /В.Г. Адмо-

¹ Л.Г. Степаненко. Стилистическое значение и стилистическая значимость падежа в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс., М., 1971.

ни, Е.Швенда, В.Шмидт и др./ Полярность мнений означает, что вопрос в целом далеко не прост и выяснять его нужно, как представляется, на большом материале и на широкой сопоставительно-стилистической основе, т.е. с учетом использования языка в различных функциональных стилях, при дифференцированном рассмотрении употребительности падежных форм и семантико-функциональных разновидностей. Результатами некоторых исследований уже подтверждается, что в отдельных функциональных стилях частотность родительного падежа высока /Х.Мейер, Л.Н.Иноземцев, Т.В.Строева/ и нет веских оснований говорить о слабости его системного статуса.

Проблемность датива в немецком языке обусловлена рядом специфических обстоятельств. Главный вопрос — это взаимодействие грамматического падежа /"чистого" датива/ и предложных конструкций с дативом.

Согласно распространенному в немецкой грамматике мнению, предлоги пришли в функциональную сферу дательного падежа тогда, когда он вследствие синкретизма оказался функционально перегруженным, и роль предлогов заключалась в том, чтобы "разгрузить" падеж. За предложными конструкциями закрепились обширная функция пространственных отношений, "чистый" же датив ограничился преимущественно функциональной сферой личного¹, т.е. им обычно обозначается предмет — лицо, к которому обращено глагольное действие: лицо в дательном падеже становится как бы центром, вокруг которого развивается действие. Хотя применительно к дательному падежу не выдвигается теорий о его "отмирании", тем не менее точки зрения языковедов и здесь различны: одни считают, что в новейший период развития немецкого языка датив стал употребляться реже /В.Винтер и др./, другие отмечают живучесть дательного падежа, проявляющуюся в том, что он находит новые средства выражения /Р.Тиль, В.Г.Адмони и др./. Из этой конфронтации мнений явствует, что, наряду с проблемой родительного падежа, для немецкой грамматики актуальна и проблема дательного падежа.

¹ Н. Brinkmann. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1962, S.71-95.

аккузатив дискутируется в современных работах по немецкой грамматике особенно в связи с так называемой аккузативацией как формой проявления транзитивации — характерной тенденции в синтаксическом строе языка. Важным фактором является при этом изменяющийся в определенном смысле характер глаголов, с которыми связано употребление винительного падежа. Современные немецкие грамматисты считают заслуживающим пристального внимания явление глагольной префиксации, поскольку оно выступает как основной способ транзитивации: транзитивирующими элементами служат префиксы *be-*, *er-*, *ver-*, *zer-* и др., особой же продуктивностью среди них, как принято считать, отличается глагольный префикс *be-*. Этому характерному языковому явлению посвящены различные объяснительные теории, как, например, теория "аккузативирующего способа мышления" /Д.Вайстербер/, теория "опредмечивания, аккузативации человека" /П.Греббе, В.Штернбергер и др./, не содержащие серьезной научной аргументации.

Особый узел проблематики образует соотношение "чистых", грамматических падежей и предложных конструкций, "предложных падежей", в терминологии многих немецких грамматиков. Авторы их /например, В.Шмидт/ утверждают, что сеть отношений, которые могут быть выражены падежами, расширяется благодаря предлогам. Здесь играет роль прежде всего семантический фактор, поскольку предлоги сохраняют свое значение в сочетаниях с падежными формами и "предложные падежи" могут выражать разнообразные конкретизированные отношения по сравнению с абстрактными отношениями, выражаемыми грамматическими падежами. Семантический фактор действует во взаимосвязи с фактором количественным, т.е. с тем обстоятельством, что предлогов в языке много, в то время как грамматических падежей очень мало. Можно, очевидно, полагать, что широкая распространенность предложных падежей, отмечаемая грамматиками немецкого языка, отражает тенденцию к семантической дифференциации и специализации, активно проявляющуюся на фоне "бедности" системы грамматических падежей, их ограниченных семантических возможностей.

Таким образом, как каждый косвенный падеж в отдельности, так и вся подсистема *casus obliqui* совмещают в себе многообразную проблематику, рассмотрение которой на обширном фоне конкретного языкового материала бесспорно может привести к выяснению многих спорных вопросов.

х

х

х

Материал исследования составили в первую очередь выборки из текстов художественной литературы — в совокупности 18.000 предложений из художественной прозы XVIII в. и современной /по 9.000 предложений соответственно на каждый синхронный срез/, а также совокупно 6.000 предложений из текстов научной прозы XVIII в. и современной /по 3.000 предложений соответственно на каждый синхронный срез/.

XVIII век представлен в материале произведениями Г.Гольдмана, К.Морица, П.Мевюса, Г.Рабенера, К.Вилайда, Ф.Шиллера. Анализу было подвергнуто по одному произведению указанных писателей. Из каждого произведения было выписано по 500 форм каждого падежа. Это составило объемы авторских выборок от 7.000 до 50.000 печатных знаков. XVIII век не случайно оказывается точной отсчета на оси времени: во-первых, промежуток в два столетия априорно можно считать значимым в плане языковых изменений; во-вторых и главным образом — XVIII век знаменует собой завершение процесса образования немецкого национального языка, т.е. тексты названных писателей несомненно отражают уже сформировавшийся литературный язык в первой стадии его существования.

Второй синхронный срез — XX век — это, по общему признанию, период бурных изменений в немецком литературном языке, интересный еще и потому, что берется в его последнем хронологическом срезе /промежуток не более чем в два десятилетия/. Современный немецкий литературный язык представлен в работе произведениями таких писателей ГДР, как Г.Кант, Р.Крафт, И. фон Вангенгейм, В.Гайдучек, Б.Рейман, Ю.Брезан.

Выборки для научной прозы XVIII в. получены из текстов философских произведений Ф.Шеллинга, И.Канта, Г.Фихте, Г.Хердера;

современный язык научной /философской/ прозы репрезентируют текстовые отрывки из работ П.Большагена, Э.Фишера, Ф.Рупрехта, сборника "Конгресс философов ГДР 1970".

На каждый падеж выписано по 3.000 формоупотреблений из художественной прозы и по 1.000 формоупотреблений из научной прозы. Объемы выборок по отдельным падежам оказались различными, зависящими от частотности употребления каждого падежа в определенном стиле. Совокупно на каждое исследуемое явление /родительный, дательный, винительный падежи/ приходится по 8.000 формоупотреблений: они получены из 12 выборок по 500 примеров в стиле художественной прозы и из 8 выборок по 250 примеров в стиле научной прозы. Внутри индивидуальных /авторских/ и совокупных выборок, репрезентирующих каждый падеж, произведена количественная обработка как основа для дальнейшего сопоставительного анализа.

х

х

х

1-ый синхронный срез - XVIII век - исследовался на материале 9.000 предложений, с общим объемом текста в 139.182 словоформ. Количественная обработка этого материала по различным параметрам функциональной продуктивности позволила получить наборы данных для каждого исследуемого члена падежной системы языка - генитива, датива, аккузатива. При общем неравномерном распределении падежных форм в текстах максимальной употребительностью характеризуется дательный падеж, за ним следует винительный падеж, и наиболее низкую употребительность обнаруживает родительный падеж. Это убедительно выражается через показатели удельного веса каждого падежа, так называемые коэффициенты их функциональной значимости /весомости/.

Язык немецкой научной прозы XVIII в. исследовался на материале 3.000 предложений, с общим объемом текста в 26.046 словоформ. Здесь также самой большой функциональной продуктивностью характеризуется дательный падеж, за которым следует винительный падеж и наименее употребителен родительный падеж.

Таблица отражает усредненные падежные коэффициенты для языка ХУШ века.

Функциональный стиль	Коэффициент "генитивности"	Коэффициент "дательности"	Коэффициент "аккузативности"
Художественная проза	0,025	0,065	0,057
Научная проза	0,038	0,053	0,051

Из сопоставления двух стилей вытекают определенные характеристики немецкого языка первого синхронного среза - ХУШ-го века. Самый употребительный в обоих стилях дательный падеж имеет в художественной прозе почти равномерную амплитуду колебаний, в научной же прозе она неравномерна по разным текстовым выборкам, из чего можно сделать вывод, что здесь дательный падеж менее стабилен. Внутри дательного падежа соотношение случаев беспредложного и предложного употребления показывает большой перевес для формы с предлогом в обоих стилях.

Встречаемость различных предлогов с дательным падежом отражает как общезыковые, так и менее универсальные закономерности, вплоть до индивидуально-стилевых особенностей: так, максимально употребительными в языке в целом оказываются предлоги *in*, *von*, *mit*, *zu*. Существенны различия в употребительности предлогов позднего образования, громоздких по своей форме: предлоги *zufolge*, *samt*, зафиксированные в научной прозе, совсем не представлены в текстах художественной прозы, а, например, архаичные предлоги *binnen*, *zustatten*, или предлоги конкретной, наглядной семантики *unweit*, *zuwider*, *entgegen*, *hinter* не отражены в текстах научной прозы. Главное же различие стилей заключается в многообразии предлогов: для художественной прозы их общий список включает 25 первичных и вторичных образований с преобладанием последних; для научной прозы в него входят 17 предлогов, с гораздо меньшим разнообразием вторичных образований и с их менее конкретной и менее яркой семантикой.

Другое существенное отличие связано с объемом функциональной сферы датива в его беспредложном употреблении. Тексты художественной прозы и в этом отношении отличаются многообразием по сравнению с текстами научной прозы: среди глаголов, управляющих дативом, в художественной прозе много конкретных, с узкой семантикой /kosten, gehorchen/, приставочных, отчетливо ориентированных по своему префиксальному элементу на дательный падеж /zutrauen, entziehen, einfallen/, так называемых глаголов "личной сферы" /danken, helfen /, глаголов информации / sagen, erzählen/. Общий список глаголов для научной прозы значительно меньше в количественном отношении /54 против 202/, в нем меньше конкретных приставочных глаголов и нет того многообразия глагольных префиксов, которое наблюдается в художественной прозе.

Второй по общей употребительности в языке XVIII в. винительный падеж характеризуется равномерным распределением в текстах научной прозы, в то время как в текстах художественной прозы ему присуща определенная подвижность.

Внутри винительного падежа беспредложное употребление имеет значительный перевес над употреблением формы с предлогом, отражая общезыковую закономерность. Среди глаголов, управляющих винительным падежом, много приставочных, особенно производных с первичными элементами be-, ver-, zer-, er-, выступающими в качестве средства транзитивации. Процентный показатель, в частности, глаголов с префиксом be- выше для текстов научной прозы, но список их гораздо беднее, чем для текстов художественной прозы. Предложный аккузатив обнаруживает по стилям существенное расхождение: в художественной прозе приаккузативных предлогов больше, чем в научной прозе.

Наименее употребительной падежной формой в языке XVIII в. оказывается родительный падеж. Различие между стилями связано с характером его распределения в текстах: для научной прозы показательна равномерность, в то время как в художественной прозе очень значительна амплитуда колебаний по авторским выборкам, с резко контрастными перепадами.

Проступает еще одна различительная черта стилей: в научной прозе родительный падеж хотя и наименее употребителен,

однако не находится в большом отрыве от других падежей; в художественной прозе имеет место большой разрыв между родительным и двумя другими падежами по показателям употребительности.

Список глаголов, управляющих генитивом, для художественной прозы богаче, разнообразнее, в то время как для научной прозы этот список образуется всего несколькими глаголами.

Списки предлогов притенитивного употребления численно равны, но имеют внутренние отличия. Это касается, например, частотности отдельных предлогов /wegen, vermitteltst/. Кроме того, в художественной прозе отсутствуют предлоги с возвышенно-официальной окраской vermöge, laut, gemäß, в научной же прозе не наблюдается архаичных предлогов типа ohngeachtet, binnen, очевидно, в силу того, что они представляли бы в этом стиле, по определению О.А.Лаптевой, "маркированный иностилевой материал"¹.

х

х

х

П-ой синхронный срез — современный немецкий язык — исследовался на таком же объеме материала: 9.000 предложений с общим объемом текста в 260.431 словоформ в художественной прозе и 3.000 предложений с общим объемом текста в 15.854 словоформ в научной прозе.

В художественной прозе максимальной функциональной продуктивностью характеризуется дательный падеж, весьма частотен винительный падеж и самую низкую частотность имеет родительный падеж.

В научной же прозе максимальная функциональная продуктивность присуща родительному падежу, за ним следует дательный и на последнем месте по употребительности оказывается винительный падеж. Это наглядно отражает таблица:

Функциональный стиль	Коэффициент "генитивности"	Коэффициент "дательности"	Коэффициент "аккузативности"
Художест. проза	0,011	0,063	0,062
Научная проза	0,065	0,053	0,038

¹ О.А.Лаптева. Внутрителиевая эволюция современной русской научной прозы. В сб.: "Развитие функциональных стилей современного русского языка". М., 1968, стр.165.

Применительно ко II-му синхронному срезу труднее говорить об общей для всего языка этого периода высокой или низкой употребительности того или иного падежа, как это имело место на I-ом синхронном срезе. Очевидно, с развитием процесса внутриязыковой функционально-стилистической дифференциации от XУШ в. к современному периоду стили настолько разошлись по своим структурно-количественным параметрам, в частности, по показателям распределения падежей и соотношения характеристик их употребительности, что интерпретация результатов количественного анализа не может игнорировать этого расхождения.

Главное и наиболее существенное отличие стилей на синхронном срезе современного языка заключается в соотношении удельного веса падежей: из таблицы видно, что в языке художественной прозы максимально употребителен дательный падеж и минимально употребителен родительный, в языке же научной прозы первое место в таблице занимает коэффициент употребительности родительного падежа, за которым следует дательный падеж. Для II-го синхронного среза зафиксированы разительные контрасты в количественных показателях родительного падежа: коэффициент "генитивности" в научной прозе варьируется в пределах от 0,050 /минимально/ до 0,082 /максимально/, в художественной же прозе — от 0,009 /минимально/ до 0,015 /максимально/. При сопоставлении диапазонов колебаний выявляется, что в языке художественной прозы родительный падеж характеризуется в основном стабильным, равномерным распределением, тогда как в языке научной прозы амплитуда колебаний значительна, функциональная сфера падежа подвижна.

Существенное отличие стилей выражается еще в одной особенности: в научной прозе по существу отсутствует приглагольный генитив, в художественной прозе он представлен, хотя и незначительным числом случаев.

Различительным признаком оказывается и список предлогов, употребленных с родительным падежом. Для научной прозы список в количественном отношении меньше, и характер самих предлогов также отличен: архаизированных предлогов типа *binnen*,

или семантически ярких образований типа *ungeachtet, unter-*

halb, seitens, dank, представленных в текстах художественной прозы, здесь нет.

Дательный падеж обнаруживает весьма равномерное распределение в языке научной прозы и значительную подвижность в языке художественной прозы. Общей характеристикой для обоих стилей является преимущественное употребление предложного датива по сравнению с его беспредложной формой. К XX в. произошло выравнивание показателей беспредложного и предложного датива, в обоих стилях имеет место определенная стабильность. Это свидетельствует о действительности тенденции к унификации в языковой эволюции.

В русле этой тенденции можно рассматривать, очевидно, и выравнивание по количеству списков предлогов, употребленных с дативом, в обоих функциональных стилях. Некоторые качественные, внутренние отличия в списках имеются: в научной прозе нет семантически "ярких" предлогов *entlang, gleich, entgegen*; не отличаются столь высокой частотностью, как в художественной прозе, предлоги *mit, hinter, neben, vor, nach* и др. Вместе с тем, максимально употребительны в обоих стилях предлоги *in, von, zu*. Преобладающими в целом являются предлоги вторичного происхождения, более однозначные, семантически более полные и конкретизированные, чем многозначные и более абстрактные первичные предлоги.

Списки глаголов, управляющих дательным падежом, различны по объему: в художественной прозе глаголов значительно больше, чем в научной /173 против 36/, больше и адъективных конструкций с дативом /27 против 10/. В соответствии с характером семантики и стилистической окрашенности в научной прозе, в отличие от художественной прозы, не встречаются конструкции типа: *zumute sein, bang sein, peinlich sein, schwindlich werden* и др.; в то же время обороты *zugrunde liegen, den Weg weisen, Rechnung tragen* и др., представлены именно в текстах научной прозы. В научной прозе нет такого многообразия конкретных глаголов, как в художественной прозе. Характерно, что среди глаголов научной прозы сравнительно много сложных, префиксальных, ориентированных на форму датива самими приставочными элементами /*bei, zu, aus, ent* и др./.

Винительный падеж выступает как общий признак, различающий

стили: в художественной прозе он вплотную следует по частотности за дативом, в научной прозе — находится на последнем месте. В текстах научной прозы распределение аккумулятива равномерно и стабильно, без контрастов; в текстах художественной прозы наблюдается подвижность, вплоть до резко контрастирующих показателей по авторским текстам /например, от 0,046 до 0,077/.

Общей чертой обоих стилей и языка в целом является преобладание беспредложного аккумулятива над предложным. В числе глаголов, управляющих аккумулятивом, много производных с приставками *be-*, *er-*, *ver-*, *zer-*. Здесь обнаруживается различие по стилям: встречаемость, например, глаголов с префиксом *be-* выше в текстах научной прозы, чем в художественной прозе.

Списки предлогов, употребленных с винительным падежом, количественно сближены по стилям, но имеют свои особенности.

х

х

х

Функции падежей многогранно перекрещиваются в рамках всей подсистемы *casus obliqui*, образуя в каждом отдельном члене этой подсистемы специфический набор функционально-семантических разновидностей. Полифункциональная структура падежа интерпретируется некоторыми лингвистами как соотношение некоего инвариантного общего значения и вариантных или частных значений /Д.Ельмслев, Р.Якобсон, Э.Бенвенист, Е.Курилович/. Противники теории общих значений падежей придерживаются мнения, что так называемые частные значения в реальности являются не вариантами общего значения, а отдельными функциональными единицами, каждая из которых обусловлена системой языка и должна быть выделена особо^I.

В диссертации разделяется точка зрения, согласно которой ведущая, наиболее характерная функция того или иного падежа может пониматься как его общее значение, в компонентную структуру которого вписывается целый ряд функционально-семантических разновидностей /аналогичных семам/. Интересным представляется стрем-

^I С.Д.Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр.123.

ление отдельных лингвистов различать собственно грамматические и денотативные /адвербиальные, лексические/ функции падежей¹, и для одного падежа постулировать не одно, а два общих значения. Однако, обоснованных критериев для подобного разграничения в грамматике пока еще не существует, и если толковать, например, датив обязательного объекта как синтаксическую функцию, а свободный датив – как денотативную функцию, то многие конкретные случаи окажутся трудно объяснимыми.

Для каждого косвенного падежа в диссертации принимается определенная схема его функционально-семантической структуры.

Родительный падеж, будучи по своему функциональному назначению преимущественно падежом приименной детерминации, предстает обобщенно как набор следующих функционально-семантических разновидностей:

І. Приименной генитив, включающий а/ отношение принадлежности /*genitivus possessivus*/, б/ отношение качества /*genitivus qualitatis*/, в/ отношение экспликации /*genitivus explicationis*/, г/ отношение субъектно/объектное /*genitivus subjectivus /objectivus* /, д/ отношение части /*genitivus partitivus*/.

ІІ. Приглагольный генитив /функции второго плана/.

А. Генитив объекта

Б. Генитив обстоятельства – а/ темпорального, б/ локального, в/ модального.

Именно выражение генитивом обстоятельственных отношений трактуется иногда как его денотативные функции.

Дательный падеж понимается в его основной функции как выражение косвенного объекта, к которому обращено действие. Обобщенно схема его функционально-семантической структуры имеет следующий вид:

І. Датив обязательного объекта.

ІІ. Свободный датив, включающий а/ отношение выгоды-невыгоды /*dativus commodi – incommodi* /, б/ датив заинтересован-

¹ G. Helbig. Die Funktionen der substantivischen Kasus in der deutschen Gegenwartssprache. Halle/Saale, 1973, S. 191–192.

ного лица /*dativus sympatheticus*/, в/ датив участия /*dativus ethicus*/.

Винительный падеж – главным образом воплощение прямого объекта. В обобщенную схему его функционально-семантической структуры включаются:

І. Аккузатив прямого объекта – а/ внешнего /*affiziertes Objekt*/, б/ внутреннего /*effiziertes Objekt*/, с подвидами результата и внутреннего содержания.

ІІ. Аккузатив обстоятельства – а/ темпорального, б/ локального, в/ модального.

ІІІ. Абсолютный винительный /*accusativus absolutus*/ – особая разновидность.

Как видно, основу интерпретации косвенных падежей в функциональном аспекте составляет теория функций, разработанная традиционной грамматикой и, думается, пока еще не нашедшая улучшенной замены в работах по современной грамматике. В функционально-семантической структуре каждого падежа первым планом дана его ведущая /синтаксическая/ функция, вторым планом – менее характерные функции /в том числе денотативные/.

х

х

х

С ориентацией на установленные наборы функций в диссертации осуществляется последующий сопоставительный анализ по стилям и синхронным срезам. Во внимание принимаются только грамматические /беспредложные/ падежи и не учитываются функции предложных конструкций, что связано со стремлением выявить картину функционально-стилистических отношений лишь в пределах грамматических форм, тогда как предложные конструкции не могут интерпретироваться только в аспекте грамматики /они должны рассматриваться сквозь призму сложной в функционально-семантическом отношении системы предлогов/.

Нижеприведенные таблицы отражают общий результат количественной обработки материала в соответствии с ранее сформулированной задачей данного раздела диссертации.

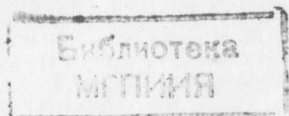

таблица распределения функций родительного падежа

№ п/п	Ф у н к ц и и	Художественная проза		Научная проза	
		XVIII в.	XX в.	XVIII в.	XX в.
I	Приименное употребление				
1	genitivus possessivus	66,88%	68,77%	9,92%	14,69%
2	genitivus explicationis	19,25%	18,75%	22,24%	81,32%
3	genitivus partitivus	5,11%	5,07%	2,78%	1,53%
4	genitivus subjectivus-objectivus	1,87%	3,17%	2,83%	1,94%
5	genitivus qualitatis	0,76%	0,42%	0,51%	0,31%
II	Приглагольное употребление				
1	родительный объекта	4,19%	1,48%	1,72%	0,21%
2	родительный обстоятельства:				
а	темпорального	1,48%	1,74%	-	-
б	модального	0,46%	0,53%	-	-
в	локального	-	0,07%	-	-

Как показывает таблица, в функционировании родительного падежа произошли некоторые общие изменения в период от XVIII в. к современному этапу. Прежде всего это выразилось в увеличении приименной сферы и уменьшении объема приглагольной сферы падежа в обоих стилях: в художественной прозе приименная и приглагольная сферы генитива соотносятся на I-ом и II-ом синхронных срезах как 93,87% / 6,13% и 96,18% / 3,82%; в научной прозе это соотношение выражается как 98,28% / 1,72% и 99,79% / 0,21%. Генитив же как обстоятельство, наоборот, несколько увеличился в объеме в стиле художественной прозы XX в.

Кроме указанных общих изменений интересные сдвиги характеризуют и отдельные функционально-семантические разновидности гени-

типа. Так, особенно важным оказывается соотношение функциональных сем "genitivus possessivus" "genitivus explicatio-

nis": в художественной прозе на современном этапе объем possessивного генитива несколько больше, чем в XVIII в., а объем эксплицирующего генитива соответственно несколько меньше, хотя в целом различия между синхронными срезами очень незначительны; в научной прозе они также незначительны и малосущественны в отношении объема функции экспликации, но гораздо существеннее с точки зрения функции принадлежности: она увеличилась в объеме на современном этапе почти на 5% по сравнению с XVIII в. Примечательно, что это увеличение происходило не преимущественно за счет функции экспликации, а за счет уменьшения в объеме нескольких функционально-семантических разноридностей: genitivus partitivus, genitivus subjectivus-objectivus, genitivus qualitatis.

Таблица распределения функций дательного падежа.

№ пп	Ф у н к ц и и	Художественная проза		Научная проза	
		XVIII в.	XX в.	XVIII в.	XX в.
I.	Дательный обязательного объекта	87,37%	79,24%	85,83%	95,23%
П.	Дательный свободный:				
I.	dativus commodi-incommodi	9,26%	13,43%	14,17%	4,77%
2.	dativus sympatheticus	2,93%	5,44%	-	-
3.	dativus ethicus	0,44%	1,89%	-	-

Согласно таблице, функциональная картина дательного падежа также претерпела существенные изменения в соотношении обязательного объекта и свободного объекта: фиксируется значительное уменьшение в объеме дательного обязательного объекта в художественной прозе XX в. на фоне обратного процесса значительного увеличения его объема в научной прозе этого периода. Сопоставление с предыдущим синхронным срезом показывает, что если в XVIII в. дательный

обязательного объекта незначительно преобладал в художественной прозе, то на современном этапе он уже значительно преобладает в научной прозе, т.е. в современном языке оба стиля в большей степени различаются между собой по признаку соотносительности друг с другом функций обязательного датива и свободного датива, чем в языке XVIII в. В диахроническом измерении свободный датив возрос в художественной прозе к современному периоду на 6%, а в научной прозе он уменьшился на 10%.

Для дательного падежа характерны кроме того и эволюционные изменения внутри свободного объекта: в художественной прозе обоих синхронных срезов представлены все три его функционально-семантические разновидности, причем к современному этапу все они значительно увеличились в объеме: *dativus commodi-incommodi* - с 9,26% до 13,43%; *dativus sympatheticus* - с 2,93% до 5,44%; *dativus ethicus* - с 0,44% до 1,85%. В научной прозе на обоих срезах представлена в основном одна разновидность - *dativus commodi-incommodi*, и в современном языке она резко сократилась в объеме с 14,77% до 4,77%.

Таблица распределения функций винительного падежа

№ п/п	Ф у н к ц и и	Художественная проза		Научная проза	
		XVIII в.	XX в.	XVIII в.	XX в.
I.	Винительный объекта:				
I.	внешнего	95,93%	93,42%	100%	98,95%
2.	внутреннего:				
	а/ содержания	0,37%	0,44%	-	-
	б/ результата	0,31%	0,61%	-	0,7%
II.	Винительный обстоятельство:				
	темпорального	3,02%	3,06%	-	-
	локального	0,28%	0,78%	-	0,35%
	модального	0,04%	0,09%	-	-
III.	Абсолютный винительный	0,05%	1,60%	-	-

из таблицы явствует, что функционирование винительного падежа модифицировалось с развитием языка в сторону изменения соотношения между винительным объекта и винительным обстоятельством в языке художественной прозы, которое выражается в показателях 96,61% / 3,39% в ХУШ в. и 94,47% / 5,53% в ХХ в. Стиль научной прозы в этом отношении остается почти незатронутым эволюционным процессом. Здесь канонический характер функционирования аккумулятива почти не претерпел никаких изменений. Можно говорить, следовательно, о том, что во-первых, в стиле художественной прозы к современному этапу несколько увеличился объем обстоятельственной функции у винительного падежа, за счет такого же изменения в объеме функции объекта. Во-вторых, более частные изменения находят выражение в следующих моментах: а/ в соотношении внешнего объекта и внутреннего объекта, который для ХУШ в. имеет вид 95,93% / 0,68%, для ХХ в. 93,42% / 1,05%; б/ в соотношении показателей для абсолютного винительного: 0,05% / ХУШ в. / и 1,60% / для современного этапа/, причем эта особенность помечена наибольшим сдвигом.

х

х

х

В результате проведенного исследования могут быть сделаны некоторые общие выводы относительно эволюционных и функционально-стилистических закономерностей трех косвенных падежей немецкого языка, а сквозь призму этих закономерностей — о характере проявления языковых тенденций в целом.

Прежде всего следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что феноменам языка рискованно приписывать слишком прямолинейные схемы развития и функционирования, ибо тщательное изучение кажущихся бесспорными и лежащими на поверхности фактов приводит к результату, не согласующемуся со сложившимся впечатлением. Характерным в этой связи является немецкий родительный падеж. Количественные характеристики, полученные на текстовом материале, позволяют считать распределение генитива по синхронным срезам и функциональным стилям одной из интереснейших и существеннейших особенностей немецкого языка, главное же — опровергают всякие

теории его отмирания. Картина оказывается гораздо более сложной и более тонкой, если рассматривать "судьбу" генитива во взаимосвязи его эволюционного и функционально-стилистического аспектов.

Результаты анализа свидетельствуют в пользу функционального своеобразия генитива, выделяя его как наиболее динамичный и стилистически вариативный участок немецкой падежной системы. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что если в языке ХУШ в. максимально употребительным падежом в художественной прозе и в научных текстах был датив, то в современном немецком языке это не так; для художественной прозы датив продолжает оставаться максимально употребительным падежом, в научных же текстах он уступает первое место родительному падежу /коэффициент генитивности текстов научной прозы ХУШ в. равен - 0,038, современной научной прозы - 0,065/. Характерно, что этот значительный перевес обеспечивается не за счет снижения употребительности датива /на обоих синхронных срезах коэффициент дативности текстов научной прозы равен 0,053/, а за счет винительного падежа, употребительность которого понизилась в научной прозе /коэффициент аккузативности для ХУШ в. равен 0,051, для современного периода - 0,038/. Противоположная тенденция прослеживается в языке художественной прозы, выражаясь в понижении употребительности генитива к современному периоду более чем вдвое /для языка ХУШ в. коэффициент генитивности равен 0,025, для современного немецкого языка - 0,011/. Примечательно, что в художественной прозе общая употребительность датива почти не меняется /коэффициент дативности для ХУШ в. - 0,065, для современного периода - 0,063/, в то время как употребительность аккузатива возрастает, что опять подчеркивает бинаправленность многих тенденций языкового развития.

Таким образом, если общее распределение датива остается стабильной характеристикой немецкого языка в целом, мало или почти не испытывающей влияния временных и функционально-стилистических факторов, то генитив и аккузатив образуют как бы два полюса подвижности вокруг этой константы. В их диапазонах совершаются перемещения количественных параметров, отражающие

активность определенных эволюционных процессов.

В связи с генитивом существенной оказывается и другая особенность, выступающая как закономерность: приглагольный генитив значительно сократился к современному периоду в языке в целом и в каждой из его функционально-стилистических разновидностей — художественной прозе и научной прозе /в первом случае имеет место снижение вдвое, во втором — втрое/. Здесь, следовательно, речь может идти об универсальной и однонаправленной тенденции в развитии языка.

Яркой особенностью генитива является характер употребительности его аналитической формы — конструкции с *von*. Её принято считать преимущественно явлением разговорного языка. Если руководствоваться идеей о том, что взаимодействие и взаимопроникновение обиходно-разговорного и литературно-художественного стилей в большей степени характеризует современный язык, чем язык XVIII в., то указанная конструкция предположительно должна иметь возросшие количественные показатели в современном языке. Анализ подтверждает это предположение /на современный срез приходится 119 случаев употребления пролив 101 в XVIII в./, но в то же время ставит перед неожиданным фактом: если в XVIII в. конструкция преобладала в текстах художественной прозы, то для современного языка характерна более высокая употребительность аналитической формы в текстах научной прозы. Причина кроется, весьма вероятно, в структурном преобразовании предложения, в изменении статуса субстантивной группы, ее структурном усложнении в текстах научной прозы, связанном непосредственно с увеличением удельного веса генитивных определений, выступающих то в форме чистого падежа, то в форме конструкции с *von*, чередование которых создает возможность более эластичного оформления очень емких генитивных цепочек. На этом фоне представляется оправданным поставить под сомнение правильность прямолинейного истолкования конструкции с *von* как преимущественно явления устно-разговорного языка. В процессах ее функционирования действуют внутриязыковые стимулы, обуславливающие бинаправленный характер тенденций языкового движения.

Подвижность винительного падежа проявляется совершенно иначе: помимо внешнеколичественных перемещений наблюдаются интересные внутренние сдвиги, связанные с тенденцией к транзитивации, обнаруживающейся в феномене глагольной префиксации. Общее количество глаголов с соответствующими префиксами /be-, er-, ver-, zer-/ уменьшилось за период эволюции от ХУШ в. к современному этапу в текстах художественной прозы и возросло за этот же период в текстах научной прозы, вместе с общим ростом здесь количества глаголов, управляющих аккузативом. Опять, следовательно, можно фиксировать сложный бинаправленный процесс перестройки в языке: ослабление активности транзитивации в стиле художественной прозы и усиление этой тенденции в стиле научной прозы.

Дательный падеж, стабильный по количественным характеристикам общего распределения, функционально оказывается далеко не столь неподвижным. Сфера этого падежа динамична в аспекте соотношения беспредложного и предложного употребления. С одной стороны, в промежуток от ХУШ века к современному этапу произошло заметное выравнивание показателей этого соотношения по стилям и спискам предлогов, употребленных с дательным падежом, что может быть интерпретировано как результат действия процессов унификации, неотъемлемых в ходе исторического развития от процессов дифференциации. С другой стороны, зафиксировано уменьшение общего количества глаголов, управляющих дативом, в текстах художественной прозы и увеличение их количества в текстах научной прозы (в первом случае с 207 в ХУШ в. до 173 в современном языке, во втором случае от 36 в ХУШ в. до 54 в современном языке). Прирост глаголов в текстах научной прозы произошел за счет появления производных и сложных глагольных единиц, громоздких структурно и емких семантически. Известно, что именно тексты научной прозы являются на современном этапе ареной наиболее интенсивного развития словосложения — одной из магистральных тенденций развития немецкого языка в его письменной форме, и отмеченный выше рост глагольных композитов и дериватов логично вписывается в эту тенденцию. Можно утверждать поэтому, что развитие падежной системы вбирает в себя целый ряд ведущих тенденций немецкого языка, или иначе — оно включается в узел скре-

24

щивания магистральных путей языковой эволюции и служит, таким образом, убедительным подтверждением взаимосвязанности и взаимобусловленности всех участков языковой системы и всех происходящих в ней процессов и сдвигов.

Сформулированные закономерности соотносятся с уровнем формально-количественных характеристик косвенных падежей. На функционально-семантическом уровне также выявлены характерные особенности.

Фиксируется прежде всего своеобразие родительного падежа, воплощающего наиболее сложную функционально-семантическую структуру. Основная тенденция его развития и функционирования заключается в количественном сужении приглагольной сферы и в расширении приименной сферы употребления. В обоих стилях сократился генитив в функции объекта, что можно считать унифицирующей линией развития. В то же время генитив в функции обстоятельства несколько возрос количественно в стиле художественной прозы, а объектный генитив резко сократился в научной прозе /с I, 72% в ХУШ в. до 0,21% в современном языке/, что уже отражает линии дифференциации и спецификации стилей. Еще более тонкие зигзаги прослеживаются в распределении и изменении характеристик отдельных функционально-семантических разновидностей генитива: родительный принадлежности и родительный экспликации оказываются главными маркерами стилей, их количественные показатели хотя и стабильны во времени, однако позволяют заметить существенные модификации. Во-первых, в художественной прозе от ХУШ в. к современному периоду очень незначительно снижается показатель для генитива экспликации, в научной прозе за этот же отрезок времени гораздо значительно возрастает показатель для генитива принадлежности. Оба процесса вписываются в одну эволюционную линию — некоторое ослабление каноничности и сближения стилей. Вместе с тем очень существенным оказывается то обстоятельство, что "демократизация" стиля научной прозы происходит не за счет его основной характеристики — эксплицирующего генитива, а за счет уменьшения в объеме таких функционально-семантических разновидностей, как генитив партитивный, качества и др. Вообще, наибольшие модификации в сфере приименного генитива связа-

ны именно с малочастотными и стилистически своеобразными функционально-семантическими разновидностями. В сфере приглагольного генитива это можно утверждать в отношении различных видов обстоятельств, представленных в текстах художественной прозы и почти отсутствующих в текстах научной прозы. Согласно Г.Хельбигу, в указанных разновидностях воплощены функции не грамматического /синтаксического/ плана, а семантические, денотативные¹, и наибольшая вариативность именно в диапазонах этих функций не является, следовательно, случайной.

Функциональная картина дательного падежа также претерпела существенные изменения по линии соотношения функций обязательного объекта и свободного датива. Именно свободный датив, относимый Г.Хельбигом к денотативным функциям, возрос количественно в художественной прозе и уменьшился в научной прозе /на 10%/, т.е. язык научной прозы отражает в основном грамматические каноны /значительное преобладание обязательного объекта/, в то время как язык художественной прозы обнаруживает тенденцию к большей языковой и стилистической вариативности, эмоциональности и т.д., о чем свидетельствует расширение в объеме датива заинтересованного лица, этического, выгоды-невыгоды.

В области винительного падежа действует та же общая закономерность: денотативные функции /обстоятельственные/ и специализированные функции внутреннего объекта, абсолютного аккузатива помечены количественным ростом в период от XVIII в. к современному этапу только в языке художественной прозы, в языке же научной прозы канонический характер функционирования этого падежа почти не претерпел изменений.

В заключение правомерно согласиться с О.А.Лаптевой о том, что в ходе эволюции языка меняется "характер соотношения специфически стилевого и общелитературного, что связано с ростом самостоятельности и качественной определенности функциональных стилей, и усилением межстилевой дифференциации, укрепляющейся

¹Г.Хельбиг. "Die Funktionen ...", стр.191-192.

по мере развития литературного языка¹. Межстилевая дифференциация проступает весьма четко, и каждый косвенный падеж по-своему участвует в этом процессе. Можно утверждать, что родительный падеж играет в нем особенно значительную роль, позволяющую определить этот участок грамматической системы немецкого языка как самый живой перекресток языковой эволюции.

С другой стороны, необходимо отметить, что общая эволюция стиля научной прозы направлена в сторону сохранения его языковой каноничности, в то время как стиль художественной прозы обнаруживает многообразную вариативность числовых показателей и тяготеет к использованию стилистически специализированных падежных функций. И если исходить из учета двух основных, согласно Т.Г.Винокур, тенденций стилового развития - тенденции к взаимопроникновению стилей и тенденции к усилению дифференциации внутримальной специфики языковых форм и средств², - то немецкий родительный падеж ярко отражает обе, в то время как, например, винительный падеж мало привносит во взаимопроникновение стилей. Вся же падежная система языка в целом - это средоточие важнейших тенденций эволюции языка и закономерностей его функционально-стилистического плана.

х

х

х

Содержание диссертации отражено в следующих работах автора:

1. Л.Д.Черкесова. Некоторые наблюдения над семантико-функциональной структурой падежей немецкого языка. XXII научная сессия Минского государственного педагогического института иностранных языков. Тезисы докладов. Изд-во БГУ им.Ленина, Минск, 1970.
2. Л.Д.Черкесова. О спорных вопросах теории немецкого падежа. Сб. Вопросы филологии. Минск, 1972.

¹ О.А.Лаптева. Указ.раб., стр.129.

² Т.Г.Винокур. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи. В сб.: "Развитие функциональных стилей современного русского языка". М., 1968, стр.8.

3. Л. Д. Черкесова. К сопоставительно-стилистическому исследованию функций немецкого падежа. Сб. Вопросы романо-германского и общего языкознания. Минск, 1973.
4. Л. Д. Черкесова. К вопросу частотной характеристики немецких падежей. Сб. Вопросы романо-германского и славянского языкознания. Минск, 1974.